

Аптекарь

Из собрания сочинений

Альтист Данилов
Аптекарь
Шеврикука, или Любовь к привидению
Камергерский переулок
Солёный арбуз
После дождичка в четверг
Происшествие в Никольском
Бубновый валет
Лягушки
Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

АПТЕКАРЬ

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Аптекарь / В. Орлов. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 790 с.

ISBN 978-5-521-74648-4

Второй роман Владимира Орлова «Аптекарь» из авторского сборника мистических романов «Останкинские истории», рассказывает о месте маленького человека в нашем изменчивом, непредсказуемом мире.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC009000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. В. Орлов,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74648-4

1

Их развели.

— Платить-то будешь? — спросила Мадам.

— У матросов нет вопросов, — ответил Михаил Никифорович.

Это было лет пять назад, до нашего знакомства с Михаилом Никифоровичем. Заявление написал он. Теперь он темнит, уверяя, что текст заявления не помнит. Мол, что-то там такое было, что вот, мол, от меня ждут аристократических детей, а я, мол, рабоче-крестьянского происхождения, и потому, чтобы дальнейших огорчений не было, прошу развести. Мол, там посмеялись, но недолго, и развели.

В пивном автомате на улице Королева Михаила Никифоровича называли и Михаилом Никифоровичем, и Мишей, и Мишкой, и Аптекарем, и Лысым, и Дипломатом, все вспоминать скучно. Знакомых у него множество, у каждого из них свои обстоятельства жизни и свои основания называть его так или иначе. Да и знакомства возникали тут порой мимолетные, приметы же приходили на память самые случайные. Кто-то запомнил Михаила Никифоровича именно лысым (а Михаил Никифорович раз в год брился наголо), кто-то запомнил его рассказ о том, как он, окончив в своей курской деревне десятилетку, приехал поступать в МГИМО, все сдал, возможно, был бы теперь дипломатом, но на последнем экзамене, немецком, срезался...

Впрочем, представить его дипломатом трудно. То есть, конечно, жизнь то и дело, как и каждого

из нас, заставляла Михаила Никифоровича проявлять себя и дипломатом, или, скорее, умиротворителем, но эта его бытовая дипломатия вряд ли бы принесла удачу в международных отношениях. И Михаил Никифорович нисколько не жалеет, что не был принят в МГИМО.

Михаилу Никифоровичу Стрельцову под сорок. Рост у него сто семьдесят пять сантиметров, весит он семьдесят девять килограммов. В юности, когда он попал в матросы и узнал прелести флотской кухни, он быстро набрал девяносто два килограмма, клеши на нем были как колокола. Теперь он не толст, живота не имеет, носит подтяжки и производит впечатление крепкого, здорового человека.

Я видел многих родственников Михаила Никифоровича, двоюродных братьев и племянников его. Все они блондины, носы у них острые, тонкие. Михаил же Никифорович черен, таких в роду нет, бриться ему полагось бы дважды в день, щетина прет, да и тело его, что называется, в шерсти. Нос у Михаила Никифоровича с горбинкой и чуть расплющенный внизу. Выговор у него южнорусский, курский. Но это когда он забывает, что давно москвич. Тогда и меняет «в» на «у». «Пошел у магазин» и так далее. Знает он и украинскую мову, жил в Мариуполе, Запорожье, Харькове. Где только не жил...

Все эти сведения о внешности Михаила Никифоровича и некоторых его особенностях я сообщаю на тот случай, если вдруг кто-то из предполагаемых моих читателей забредет в Останкино, увидит Михаила Ники-

форовича и сообразит: «Вот он, тот самый...» Но вполне вероятно, что он примет за Михаила Никифоровича и кого-нибудь другого. Виноват тут будет автор. Он воспитан на пренебрежительном отношении к описаниям внешности персонажей, полагая вместе с другими, что в двадцатом веке в этом нет нужды. Что словесные портреты должны занимать более милицию, нежели литературу. Есть фотографии. А ты сколько ни пыжись, все равно опишешь человека так, что всякий увидит его по-своему. Да и стушевался бы автор, принявшись за добросовестное описание внешности Михаила Никифоровича, нет у него в этом умения, свойственного, скажем, людям девятнадцатого века. Но дать кое-какие приметы Михаила Никифоровича я все же не удержался...

А читатель, кого судьба или любопытство заведут в Останкино, может и не утруждать себя, вспоминая мои слова и разгадывая, кто же тут Михаил Никифорович. Если есть нужда, надо просто спросить, и многие Михаила Никифоровича покажут. Возможно, Михаил Никифорович будет в компании знакомых. О некоторых из них речь пойдет позже.

В день же, с какого начались события моего повествования¹, Михаил Никифорович стоял в пивном автомате рядом с дядей Вале́й. И со мной тоже.

Дяде Вале́ было под шестьдесят, он работал шофером, собирался на пенсию. В довоенном фильме шпик в котелке кричал полицейским, хватавшим революционера: «За яблочко его! За яблочко!» По общему

¹Сразу же должен сообщить, что события эти происходили, а может быть, и не происходили в Останкине в 1975 году. (Прим. здесь и дальше авт.).

мнению, дядя Валя был похож на того кричавшего, и иногда некоторые интересовались: «Ну как, дядя Валя? За яблочко его или как?» Дядя Валя посмеивался и говорил: «Но беда-то ведь небольшая, а?» Месяца два он не появлялся в пивном автомате, потом пришел с палочкой. Михаил Никифорович увидел его сегодня впервые после отсутствия, покачал головой.

— Что это с вами, дядя Валя?

— Осколки удалили, — сказал дядя Валя. — С финской еще...

Вчера дядя Валя рассказывал мне, что ногу он сломал, вышел как-то поутру прогуливать собаку, поскользнулся на ровном месте — и, нате вам, в гипс на два месяца.

— Сколько лет сидели, — продолжил дядя Валя, — и ничего, а тут как занули, на ногу ступить нельзя. «Надо удалять», — говорят. Девять удалили, двенадцать осталось там.

— Надо же, — покачал головой Михаил Никифорович.

— Но беда-то ведь небольшая, а? — заключил дядя Валя.

Новый поворот истории дяди Валиной ноги меня не удивил. Но и сдержаться я не мог:

— Дядя Валя, а вы мне говорили, что сломали...

Дядя Валя поглядел на меня укоризненно. Сказал:

— Правильно. Они и думали сперва, когда меня из «Звездного» вынесли в машину, что сломал...

— Из ресторана, что ли?

— Из ресторана. Из буфета.

— А как же собака? — опять влез я.

— Собака? — удивился дядя Валя. Потом сообразил: — Собака... Ага, я гулял с собакой возле ветеринарной больницы, там и упал...

— А как же ресторан?

— Но беда-то ведь небольшая? — И дядя Валя продолжил, забыв о моих вопросах: — Осколки хотели сначала магнитом вытянуть, может, из кого и вытянули бы, а из меня нет, или магнит испортился. Они и резали. Но все не вырезали. А то бы сухожилия и связки попортили. Вот двенадцать и осталось. С испанской войны...

— Вы говорили, с финской?

— И с финской. С испанской и финской. В Испании пришлось, сам знаешь. Я все хочу в Мадрид съездить. Мне ведь испанское правительство пенсию платит.

— За что же?

— Ты еще не родился, а я бил франкистов!

— Это я понимаю. Но за что же правительству-то вам пенсию платить? Что им, что вы франкистов-то били?

— Я знаю. — Дядя Валя стал серьезным, замолчал, видимо, что-то обдумывая. — Я газеты читаю. Ты меня не так понял. Я сказал, не правительство. Не правительство, а партия...

Он словно бы тяжкий подъем преодолел, слова сразу же стали выкатываться из него легко.

— А ты говоришь — правительство. Стало бы мне их правительство! А партия платит. Поздравления присылают. Меня там помнят все. И Долорес, и другие. Меня их нынешний секретарь хорошо знает. Приходи, я тебе телеграмму от него покажу.

— Это от кого же?

— Ну как его...

— Карилья, что ли?

— Карилья, как ты догадался! Он у меня под Гвадалахарой был на пулемете. Совсем молодой парнишка. Огонь, треск, я ему кричу: «Мишка, тащи быстрее патроны, мать твою!»

— Почему же Мишка? — заинтересовался долго молчавший Михаил Никифорович.

— А мы их по-нашему звали, — сказал дядя Валя. — Мишка да Мишка. Это как же по-ихнему будет, стой...

— Мигель...

— Вот. Мигель Карилья.

— Так это, значит, другой Карилья. Тот, который секретарь, тот Сантьяго Карилья.

— Точно! — вскричал дядя Валя. — Я его Санькой звал, а не Мишкой. «Санька, мать твою!»

— Так его надо было скорее Яшкой звать, — вставил Михаил Никифорович.

— На Яшку он не откликался, — сказал дядя Валя.

Помолчали. Михаил Никифорович с дядей Валей закурили. Стояли мы под табличкой «Не курить». Автомат на Королева считался магазином. А магазины не предполагают курения. Тут существовали и иные запреты: «Приносить и распивать...» И так далее. Но коли не приносить и не распивать, откуда же возникнут на полу или прямо в руках уборщиц пустые бутылки, те, что потом мешками — и не раз в день — волокут в магазин на сдачу? Понятно, что про распитие ника-